

Леопольд фон Захер-Мазох

Дамская дуэль

Часть сборника
Новеллы Русского двора
(сборник)

Леопольд Захер-Мазох

Дамская дуэль

«Институт соитологии (ИС)»

Захер-Мазох Л. ф.

Дамская дуэль / Л. ф. Захер-Мазох — «Институт соитологии (ИС)»,
— (Новеллы Русского двора)

ISBN 978-5-457-10889-9

«Пехотный полк Преображенской гвардии заступил на караул по Зимнему дворцу. Стояло раннее лето, а царица Екатерина Вторая, казалось, даже не задумывалась о том, чтобы сменить торжественный Санкт-Петербург на идиллическое пребывание в своей загородной резиденции, Царском Селе...»

ISBN 978-5-457-10889-9

© Захер-Мазох Л. ф.
© Институт соитологии (ИС)

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	12
-----------------------------------	----

Леопольд фон Захер-Мазох

Дамская дуэль

Пехотный полк Преображенской гвардии заступил на караул по Зимнему дворцу. Стояло раннее лето, а царица Екатерина Вторая, казалось, даже не задумывалась о том, чтобы сменить торжественный Санкт-Петербург на идиллическое пребывание в своей загородной резиденции, Царском Селе.

В просторном, выбеленном известью караульном помещении, из опасения испортить большие, туго заплетенные косы, сидя спали солдаты, а в расположенной по соседству небольшой офицерской комнате за вытянутым неопрятным столом устроились подпоручики и юнкера различных полков и резались в *onze et demi*¹; они играли всю вторую половину дня и до поздней ночи при скупом свете маленькой керосиновой лампы, свисавшей с прокопченного потолка. Не играл только один. Это был молодой стройный офицер с цветущим лицом и выразительными голубыми глазами под темными ресницами и темными бровями, почти кокетливо выделявшимися на фоне белого парика. Далеко вытянув перед собой ноги, засунув руки в карманы зеленого мундирного камзола, он сидел в темном углу и невидящим взглядом уставился в пространство.

Вот из-за игорного стола поднялся офицер; он сокрушенно вздохнул и, оглядевшись по сторонам, подошел к притихшему в углу товарищу.

– Ты больше не играешь, Кольцов? – заговорил он, кладя ему на плечо ладонь.

– Нет... – встрепнулся тот, – а ты?

– Я готов, – ответил второй. – В пух и прах продулся.

– Я тоже, – сказал Кольцов, – но для тебя, мой милый Лапинский, это, по правде говоря, сущие пустяки. Один неприятный разговор с дорогим папашей, который в очередной раз прочитает тебе мораль, и на этом все благополучно закончится. А вот я разорен. У меня, как тебе известно, накопилось ужасно много долгов и нет отца, способного их оплатить, нет даже дяди, на наследство которого я мог бы когда-нибудь рассчитывать; сегодня я проиграл свое жалование в безумной надежде, что счастье мне наконец улыбнется и бросит в руки пару тысяч рублей, как то давеча случилось с графом Салтыковым, а теперь я сижу без гроша, и во всей России уже нет никого, кто одолжил бы мне хоть копейку. Таким образом, мне не остается ничего другого, как пустить себе пулю в лоб.

– Да прекрати! – возразил друг. – Как ты верно заметил, достаточно мне только пережить неприятный разговор со своим дражайшим папашей, и у нас появятся деньги.

– То есть, деньги появятся у тебя.

– Нет, у нас.

– Не могу же я...

– Чего ты не можешь?

– Жить на твои деньги, – проговорил Кольцов, – честь требует от меня свести счета с жизнью.

– Ах, сдается мне, нынче слишком много ты выпил! – ответил Лапинский, пожимая плечами. – Ты, однако, мне лучше прямо скажи, сколько тебе нужно, весь вопрос сводится к этому.

Кольцов молчал.

– Ну, если ты даже разговаривать не желаешь, – раздраженно проворчал Лапинский, – я свою дружбу и любовь никому не навязываю.

¹ Одиннадцать с половиной (франц.) – карточная игра.

С этими словами он резко нахлобучил треуголку с золотым позументом на изрядно напудренную голову, отчего к потолку взвилось белое облако, и, звеня шпорами, покинул караульное помещение; но когда он уже стоял перед низкими воротами своего дома, собираясь взять в руку колотушку, слова товарища вдруг тяжело сдавили ему грудь необъяснимой тревогой; не долго думая, он развернулся и скорым шагом направился к жилищу Кольцова, там перемахнул через окружавший двор дощатый забор и взбежал вверх по ветхой деревянной лестнице.

Сквозь щель в двери его друга на половицы падала белая полоска света. Следовательно, он только что вернулся домой и еще не ложился. Лапинский постучал. Никакого ответа. Он затарабанил сильнее и одновременно крикнул:

– Ради бога, открой; деньги, у меня для тебя деньги!

Сперва он услышал шаги, потом звук задвигаемого в стол ящика, потом Кольцов отворил.

Лапинского испугала перемена, за столь короткий срок произошедшая с его товарищем; спутанные волосы прядями свисали на лоб, глаза глубоко запали и горели каким-то зловещим беспокойным огнем.

Будто желая удержать его от какого-то действия, Лапинский инстинктивно схватил товарища за руку и растерянно оглядел комнату, затем быстро подошел к столу, который помещался в оконной нише и за которым Кольцов имел обыкновение писать. Тот сделал было попытку ему воспрепятствовать, однако сослуживец уже выдвинул ящик и обнаружил в нем пистолет, курок которого был взведен.

– Значит, действительно? – запинаясь, выговорил Лапинский; на большее в этот момент сил у него не хватило.

Оба некоторое время молчали. Первым взял слово Лапинский.

– Разве я не сказал, что собираюсь достать для тебя деньги?

– Я тебе от всего сердца признателен за верную дружбу, – ответил Кольцов, – но я не могу жить на чужой счет. Ведь в моем случае речь идет не о сиюминутной поддержке. У меня нет никаких перспектив на будущее, и даже если я перейду на хлеб и воду, навсегда отказавшись от игры и женщин, как при моем скудном жаловании я сумею расплатиться с долгами? В конечном итоге мне просто ничего иного, кроме пули, не остается.

– Неужели и в самом деле нет другого выхода из создавшейся ситуации? – сказал Лапинский. – Давай-ка пораскинем мозгами. Но прежде пообещай мне не предпринимать никаких посягательств на свою жизнь, по крайней мере, до тех пор, пока мы не исчерпаем все свои мыслительные ресурсы. Поручись мне в этом.

– При известных условиях, – ответил Кольцов.

– Ладно, – согласился первый, – если в течение месяца мы с тобой не добьемся никаких положительных результатов, ты будешь волен...

– Застрелиться?

– Застрелиться, утопиться, отравиться, подвергнуть себя колесованию, что тебе больше понравится.

– Договорились.

Друзья ударили по рукам.

– Ну, и что же у тебя за проект? – начал Кольцов.

– Пока еще, собственно, ничего конкретного, – ответил Лапинский, – но меня это не пугает. Есть ли на белом свете что-нибудь более изобретательное, чем мозг подпоручика? Итак, слушай внимательно! Начнем прямо с самого дерзкого. Свергни Орлова и сам займи место фаворита царицы.

– Как такое пришло тебе в голову? – воскликнул Кольцов.

– А что тут такого особенного? – заявил товарищ. – Затея лишь вполуполовину опасная для жизни по сравнению с самоубийством, ты парень видный, у тебя это должно получиться.

В ответ Кольцов громко расхохотался.

– Чему ты смеешься? – продолжал Лапинский. – Нынче все возможно, все, уверяю тебя, самое невероятное и чудесное, совсем как во времена калифа Гарун-аль-Рашида. Но вижу, у тебя недостает храбрости на такой отчаянный поступок, или, может быть, Екатерина Вторая не совсем в твоём вкусе? Ты предпочитаешь чернооких красавиц?

– Хватит шутить! – проговорил Кольцов. – Путь, которым мне предстоит пойти, должен прежде всего быть честным.

– Гм... – Лапинский задумался. – Ага, есть такой путь, – внезапно закричал он, – я придумал. Тебе необходимо жениться.

– Жениться? Нет уж, лучше я тогда застрелюсь, – ответил подпоручик с выражением неподдельного ужаса на юношеском лице.

– Твои дела так и так плохи, – рассмеялся товарищ, – выбери хотя бы более приятный способ самоубийства и... женись.

– Положим, я мог бы на это решиться, – произнес Кольцов, – но где ты отыщешь для меня подходящую жену; богатую женщину, которая отдала бы руку и сердце бедному, погрязшему в долгах офицеру?

– Нет ничего проще, – возразил Лапинский, – вот найти бедную девушку, которая пойдет за тебя, пойдет из чистой любви, было бы гораздо труднее; наши барышни из старых дворянских родов, но с пустым кошельком, те все как одна метят выскочить за генерала или, на худой конец, за богатого сельского барина; а вот дама, которая сама имеет громадное состояние, уже может позволить себе роскошь выйти замуж за мужчину, которого она полюбит.

Кольцов улыбнулся.

– Ты, может статься, уже и невесту для меня *in petto*² имеешь?

– Почему бы нет? Хоть целую сотню, – ответил Лапинский, – я в этом деле уже не одному славному парню помог, из чистого удовольствия от самого процесса, и еще потому, что я, как тебе известно, во всем люблю порядок и поддерживаю его, то для этой цели составил себе точный и обстоятельный каталог всех наших готовых на выданье дам.

– Что? – веселея, воскликнул Кольцов. – Каталог невест?

– Вот, – продолжал Лапинский, извлекая из кармана довольно объемистую записную книжку, – вот он, голубчик. Здесь ты найдешь всех наших красавиц без исключения, каждую с точным индивидуальным описанием, а также с указанием размеров состояния, особенностей характера, изложением предыдущей жизни и иных обстоятельств.

– Это и в самом деле дорогого стоит, – засмеялся Кольцов. – Позволь-ка взглянуть.

И оба молодых офицера углубились в изучение каталога невест.

– Я порекомендовал бы тебе продвигаться в алфавитном порядке, – после некоторой паузы заговорил Лапинский, – попытай счастья у первой, а коли получишь отказ, переходи к осаде следующей, и так далее от «А» до «Я».

– Это, знаешь ли, было бы чересчур легкомысленно, – заколебался Кольцов, – я со своей стороны готов покориться участи и подставить шею под каблук женщины, но это должен быть каблук... то бишь, женщина, хотел я сказать, которую я люблю.

– И какой же на твой вкус должна быть, блондинкой, шатенкой, брюнеткой?

– Я в первую очередь придаю значение скромности нрава.

– Тогда можешь стреляться прямо сейчас, – воскликнул Лапинский, – в империи и при дворе Северной Семирамиды, Екатерины Второй, искать скромный нрав! Или ты не знаешь,

² Наготове, на примете (итал.)

что наши лучшие женщины сплошь, как минимум, амазонки, вдохновленные высоким примером, и синие чулки?

– Следовательно, что же делать?

– Если ты слишком совестлив, чтобы следовать по алфавиту, то предоставь фатуму самому сделать выбор, – высказал предположение озорной товарищ.

– Как?

– Как? Очень просто. Мы поступим, как поступают арабы, когда обращаются за советом к Корану, – ответил Лапинский, – мы проткнем мой каталог иголкой, и там, где кончик застрянет, ты найдешь избранницу.

– Хорошо.

Лапинский взял иголку и поступил в точном соответствии с ритуалом и с серьезностью ближневосточного фаталиста, потом раскрыл проколотую записную книжку.

– Тебе страшно повезло, – проговорил он, отыскав и проверив укол. – Судьба привела тебя к самой красивой и самой богатой одновременно даме в моем реестре.

– Не тяни, объявляй! – взволнованно воскликнул Кольцов.

– Княгиня Людмила Меншикова, – зачитал Лапинский, – вдова князя Ивана, двадцати трех лет от роду, высокая, с импозантной фигурой, стройная, великолепные формы, гордая, красивые черты лица, черные волосы, горящие глаза, разговаривает низким альтом. Характер твердый и надежный, нрав повелительный, но любезный и привлекательный, остроумна, изрядно образована, владеет состоянием в два миллиона рублей, совершенно свободна и не имеет долгов, полностью независима от своих родственников. Репутация как в замужестве, так и после безупречна. Особые примечания: слывет мужененавистницей.

– Она, часом, не служит в армии? – спросил Кольцов.

– Погоди-ка. Да, верно. Она служит в Симбирском полку в чине майора.

– Это весьма некстати, – заметил Кольцов.

– Почему? Ведь все наши амазонки без исключения носят офицерские эполеты: графиня Салтыкова, госпожа Самарина, девица Софья Нарышкина и многие другие, а госпожа фон Меллин даже командует полком.

– Ну скажи на милость, – вскричал Кольцов, – как же мне объясняться в любви и сделать предложение вступить в брак своему начальнику?

– Не вижу здесь ничего такого, что противоречило бы уставу, – ответил Лапинский. – На твоё счастье Петр Великий совершенно не предполагал, что в армии когда-нибудь появятся подпоручики в кринолинах и даже майор, составляющий конкуренцию самой Венере Медицейской. Итак, соберись с духом, чай, не повесят же тебя за это, сейчас спокойно располагайся на ночлег, а завтра мы приступим к боевым действиям, то есть, господин подпоручик Преображенской гвардии примется ухаживать за господином майором Симбирского полка.

* * *

На следующий день около полудня Кольцов был с веселым шумом разбужен своим товарищем, который в приподнятом настроении и с лихо закрученными усами, звеня большими шпорами, вошел к нему в комнату.

– К оружию! – прокричал Лапинский. – На врага! Война начинается, к оружию! – и тут же, подойдя к ночному столику, принялся кулаками отбивать на нем утреннюю зарю.

Кольцов, самоубийца, сладко потянулся в постели и широко зевнул.

– Ты чего так торопишься? – проговорил он, продолжая лениво потягиваться. – Мы ведь с тобой никуда особенно не опаздываем.

– Очень даже опаздываем, – крикнул товарищ, – ты, верно, забыл, что у меня всего месяц времени, чтобы женить тебя, мой дорогой, иначе, если из этого ничего не получится, у тебя вполне хватит безрассудства лишить себя драгоценной жизни. Стало быть, к оружию, тем паче, что наступил час, когда княгиня Людмила Меншикова, согласно подтверждающимся донесениям моих шпионов, пьет утренний шоколад на террасе своего дворца.

– У тебя уже шпионы есть? – удивленно пробормотал Кольцов, начиная тем временем одеваться.

– Шпионы, брат, хорошие шпионы, просто необходимы для умелого и успешного ведения войны, – ответил Лапинский, – нужно всегда и до мельчайших подробностей быть информированным о расположении и передвижениях противника, чтобы, опираясь на это, отдавать распоряжения. – Веселый молодой офицер взглянул на часы. – Сейчас без четверти двенадцать. Ровно пятнадцать минут назад наша богиня проснулась, в течение следующих пятнадцати минут она завершит свой утренний туалет и с полуденным ударом часов выйдет на террасу. Так что, изволь поторапливаться!

В считанные минуты Кольцов был готов, и два друга, вполголоса напевая французскую военную песенку эпохи мушек и париков, двинулись по улице, ведущей ко дворцу княгини Меншиковой, но подошли к неприятельской крепости, как Лапинский назвал это возведенное в прекрасном ренессанском стиле и окруженное обширным парком в версальском вкусе строение, не с парадного крыльца, а с тыльной стороны, по неопрятному переулку, тянувшемуся вдоль каменной садовой ограды.

– Поблизости никого, – сказал Лапинский, – первым делом нужно разведать местность.

Он велел Кольцову встать к ограде парка, забрался ему на плечи и заглянул внутрь.

– В саду тоже все спокойно, – сообщил он, – и вокруг ни души. Следовательно, мы можем отважиться на вторжение.

С этими словами Лапинский без церемоний запрыгнул с плеч друга на стену и, держась за ветку, перебрался с нее на росшее рядом ореховое дерево, по которому быстро соскользнул на землю.

– Подожди, – донесся из-за стены его голос, – я хочу посмотреть, нет ли здесь где лазейки.

Лазейки не оказалось, зато обнаружилась садовая стремянка, в раздвинутом виде стоявшая перед наполовину подстриженной живой тисовой изгородью. Лапинский подхватил ее и передвинул через ограду, снаружи ее принял Кольцов, который через несколько секунд сам уже оказался на стене и, подтянув за собой стремянку, с удобством спустился по ее перекладам в сад. Теперь под прикрытием длинных, идущих параллельными рядами живых изгородей, два друга подобрались к дворцу, просторная терраса которого широкими уступами полого нисходила в сад. Они спрятались за боскетом красных роз, метрах приблизительно в пятидесяти от нее.

На террасе между аляповатыми, безвкусными статуями Венеры и бога любви помещался небольшой столик, сервированный на одну персону, а перед ним обитое бархатом кресло с подлокотниками и скамеечка для ног из аналогичного материала.

Ждать долго не пришлось. Вот появился слуга в расшитой ливрее французского покроя, несущий шоколад на серебряном подносе, тогда как второй широко распахнул двустворчатые двери.

Из дворца быстрым шагом вышла дама с гордой, повелительной осанкой. На основании описания невест в каталоге своего товарища Кольцов без сомнений понял, что перед ним была княгиня Людмила Меншикова, однако живое воплощение произвело совершенно иное впечатление, чем мертвое слово.

В первую секунду Кольцов был поражен цветущим видом величественной фигуры, тонкими чертами одухотворенного лица и большими, лучезарно-черными глазами прекрас-

ной амазонки, во вторую – ослеплен, а в третью он влюбился до беспамятства. Темные, только слегка припудренные волосы княгини стягивала в узел ярко-алая лента, поверх белоснежного неглиже из воздушных кружев на ней была надета красная атласная шубка, щедро отороченная горностаевым мехом: по тогдашней моде она сильно сужалась в талии и потом растекалась книзу обилием складок, переходя в довольно длинный шлейф. Даже не подозревая, что за ней наблюдают, она вела себя за завтраком с кокетливой элегантностью дамы рококо, и молодой подпоручик Преображенской гвардии еле сдерживался от желания отбросить в сторону всякую субординацию и броситься к ногам обольстительного майора Симбирского полка.

– Ну, как тебе нравится твоя избранница? – шепотом спросил Лапинский.

– Ты притащил меня сюда, – со вздохом ответил Кольцов, – только чтобы сделать еще несчастнее. Как я могу хоть на миг надеяться назвать своей эту великолепную женщину, это божество, откуда мне набраться смелости, приблизиться к ней или, тем более, добиваться ее руки.

– Очень хорошо, замечательно, – чуть слышно констатировал его товарищ, – ты влюбился по уши, да, ты весь буквально пылаешь, как я посмотрю. Все складывается как нельзя лучше...

– То есть?

– Позволь только мне прибегнуть к некоторым уловкам.

– Что ты задумал?

– Ты должен объясниться ей в любви, – продолжал Лапинский.

– Да, но как же мне это сделать? – довольно растерянно спросил Кольцов. – Не могу же я прямо здесь...

– Я совершенно не это имею в виду, – возразил Лапинский.

Между тем многочисленные птицы, привлеченные шумом на террасе и видом княгини, слетелись к столу с крыши дворца и близлежащих зарослей, разноголосая стая воробьев, зябликов, чижей и щеглов сгрудилась вокруг красивой женщины, которая принялась отщипывать хлеб и бросать крошки гомонящим и ссорящимся друг с дружкой маленьким попрошайкам.

– Довольно, этак ты никогда не налюбуешься, – продолжал Лапинский, – настолько сейчас пленительна эта идиллия. Итак, уходим, у меня созрел один план, ты еще сегодня должен свести знакомство с гордой красавицей. Да что я говорю, сегодня! Немедленно!

С этими словами оба офицера покинули свое укрытие и парк той же дорогой, что и проникли сюда.

* * *

После завтрака княгиня Людмила Меншикова имела обыкновение часок покататься по городу, потом, как правило, заслушивала батальонный рапорт в казарме своего полка и улаживала насущные вопросы по службе.

На сей раз одновременно с ее экипажем на месте были и оба наших подпоручика, до времени ограничившиеся тем, что с приличного расстояния вели наблюдение за дворцом и транспортным средством. Изготовленная в стиле рококо карета княгини представляла собой одну из тех громоздких боевых машин, посредством которых стремящиеся к завоеваниям дамы тех дней продвигались к победе: на четырех высоких колесах размещался четырехугольный позолоченный сундук со стеклянными стенками, позволяющими отчетливо видеть со всех сторон сидящую в нем даму. Огромный толстенный кучер в красной ливрее, с огромной толстенной косою и в белом шейном платке, точно исполинский мотылек сидевшем под

его подбородком, с исключительным достоинством держал вожжи красивых лошадей голштинской породы.

Вот из дворца выскочили два лакея, и один из них распахнул дверцу кареты. Вслед за ними по парадному крыльцу спустилась княгиня в мундире, со вкусом сочетавшем в себе детали женского и мужского туалета; на высокие черные сапоги для верховой езды, украшенные массивными шпорами, ниспадало многосборчатое бархатное платье традиционного для русского военного обмундирования зеленого цвета, которое, не распираемое изнутри кринолином, опускалось на сапоги естественными живописными складками. Камзол из той же материи и того же цвета с красными отворотами и золотыми шнурами был заужен в талии, на черном лакированном ремне висела шпага, а белый парик венчала треуголка с плюмажем из белых перьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.